

Словарь дополнен новейшими терминами и уточненными толкованиями ранее опубликованных элементов словника.

Унификация терминологии является главнейшей функцией любой науки. Историческая роль деятельности профессора А. Н. Щукина в развитии методики обучения языкам и в упорядочении её терминологической базы огромна и бесспорна. Его терминологические словари являются классикой методики русского языка как иностранного и составляют, бесспорно, научную основу преподавания РКИ на долгие годы.

Литература

1. Щукин, А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. Учебно-методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. 2-е изд. – Москва : Русский язык. Курсы, 2015. – 784 с.
2. Там же.
3. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. – Москва : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 746 с.
4. Щукин, А. Н. Лингводидактический биографический словарь: около 500 научных биографий специалистов в области изучения и преподавания языков и смежных дисциплин / А. Н. Щукин, Л. В. Московкин, В. Д. Янченко. – Москва : Русский язык. Курсы, 2022. – 528 с.
5. Азимов, Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.

УДК 811.161.1:82-84:81'354(091)

Мокиенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ОКНО В ЕВРОПУ (СУДЬБА ПОСЛОВИЦЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ)*

В статье характеризуется влияние реформ Петровской эпохи на обогащение паремиологического состава русского языка. Сборники пословиц и поговорок, которые записывались в это время, отражали взаимодействие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

своего и чужого, исконного и заимствованного в русском паремиологическом фонде. Обогащение этого фонда во многом осуществлялось путем калькирования. На примере анализа пословицы *Своя рубашка ближе к телу* в статье демонстрируется неоднозначность и многоаспектность этого процесса.

Ключевые слова: языковые реформы Петра Первого, паремиология, пословицы и поговорки, кальки, история пословицы «Своя рубашка ближе к телу».

V. M. Mokienko

Saint-Peterburg State University

Paremiological window to Europe (the fate of the proverb of Peter's time)

The article characterizes the influence of the reforms of the Petrine era on the enrichment of the paremiological structure of the Russian language. Collections of proverbs and sayings that were recorded at that time reflected the interaction of one's own and others', native and borrowed in the Russian paremiological fund. The enrichment of this fund was largely carried out by tracing. On the example of the analysis of the proverb *One's shirt is closer to the body*, the article demonstrates the ambiguity and multidimensionality of this process.

Keywords: language reforms of Peter the Great, paremiology, proverbs and sayings, tracing paper, history of the proverb *One's own shirt is closer to the body*.

Всем известно, что 30 мая этого года в России торжественно отметят 350-летие рождения Петра Первого. И все знают, почему его давно величают Первым Петром, Первым российским императором и Петром Великим. Для нас, филологов, он велик прежде всего тем, что именно с Петровской эпохой связано образование русского литературного языка, формирование языка нового качества, обогащённого движением к народной русской речи и к европейской культуре. Изменения, происходившие в Петровскую эпоху, затронули практически все сферы государственной и частной жизни. В отношении языковых процессов, отражающих эти реформы, новации также имели место на всех языковых уровнях, но едва ли не самыми заметными являются серьезнейшие уни-

версальные процессы в области словарного состава: лексики и фразеологии. Немаловажную роль в динамизации языковой нормы этого периода сыграла и такая важная часть словарного состава, как паремиология. Она, с одной стороны, демонстрирует органическую связь с предыдущим языковым состоянием – языком Московской Руси, а с другой – перспективность тех лингвистических, лингво-когнитивных, лингво-социологических процессов, которые берут начало в периоде петровских реформ и стимулируют многие активные процессы современного состояния нашего языка и общества.

Изучение пословиц и поговорок Петровского времени непосредственно связано и с необходимостью их единого систематического лексикографического описания. Поскольку в допетровское время пословицы и поговорки практически не собирали, период Петровского времени уже ознаменован первыми собраниями и записями паремий. При этом паремиографы Петровской эпохи не отличали пословиц от поговорок и книжных выражений (в том числе, библеизмов), что оказало влияние на корпус всех сборников этой эпохи.

Анализ источников по паремиографии собственно Петровской эпохи – одна из существенных задач исторической русистики, и мы с Е. В. Генераловой, С. И. Николаевым, Е. К. Николаевой и Н. А. Росовой работаем над Словарем пословиц и поговорок Петровского времени, в котором они найдут максимально полное описание. В его основу положен ряд таких сборников, из которых самый ранний хронологически – это сборник, изданный П. К. Симони, который датируется началом 1690-х гг. [14]. Он представляет материалы раннепетровского времени, давая возможность изучить генетическую преемственность и новаторство паремиологии Петровского времени, а самый поздний – сборник А. И. Богданова [13, с. 65–118; 259–263], формально завершённый в 1741 г. В общий корпус проектируемого Словаря «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)» войдут и некоторые паремиологические со-

брания, не учтённые (или недостаточно изученные) в предшествующей исследовательской литературе. В составленный словарь также включён и целый ряд пословиц из русско-французского словаря, составленного А. Кантемиром в 1730-х гг., а также данные словарей XVIII в.

Собранный по паремиологическим сборникам Петровского времени языковой материал постоянно дополняется, подвергается комплексному филологическому анализу, описывается с точки зрения достижений современной лексикографии и паремиологии. Сбранному паремиологическому корпусу придается современный словарный вид, соответствующие пословицы и поговорки чётко распределяются по стержневому (обычно – первому знаменательному существительному) компоненту, семантика их истолковывается, а для каждой языковой единицы дается хронологическая и региональная (ареальная) паспортизация и стилистическая характеристика.

Многие словарные статьи снабжены лингвокультурологическими комментариями. Особо важной исследовательской целью нашего Проекта стало скрупулёзное отслеживание следов европейского влияния на пословично-поговорочный фонд русского языка. Один из таких взглядов в паремиологическое «окно в Европу» мне и хочется предложить сегодня нашим слушателям накануне юбилея Петра Первого. Речь пойдет о судьбе пословицы *Своя рубашка (рубаха) ближе к телу*, характеризующей прагматический и эгоистический принцип – «Свой личный интерес превыше всего». Сейчас она хорошо известна всем нам, а поскольку образ ее прозрачен и все слова, ее образующие, являются собственно русскими, то вряд ли кто сомневается, что она – исконная, наша. В отличие от лексики, где заимствования опознаются говорящими с первого слуха (напр., *бутерброд*, *парикмахерская* или *одеколон*), пословицы и поговорки нередко создаются путем дословного перевода – калькирования. И именно поэтому лингвистам следует их подвергать тестированию на исконность или заимствованность.

Проведем такое тестирование и для пословицы о своей рубашке, которая ближе к телу.

Первые её записи относятся именно к Петровскому времени, когда языковое «окно в Европу» было настежь распахнуто. Любопытно, что такие фиксации этой пословицы в ее составе содержат не только слово *рубашка* (*рубаха*), но и наименование традиционной для допетровской Руси одежды – *кафтан*: *Рубашка ближе кафтана, душа милее ковши* [5, с. 289], [21, с. 122]; *Каков кафтан ни близок к телу, а рубашка ближе* [12, с. 29], [15, с. 207]; *Рубашка кафтана к телу ближе* [15, с. 10, 16]. Именно в такой форме она употребляется Александром Петровичем Сумароковым (1717–1777): «*Рубашка, как говорится, кафтана к телу ближе, так не лъзя не предпочесть своя собственности, делам другога*» (Сумароков, Полн. собр. Соч., т. VI, 23). В комедии «Нарцисс» (1768) того же писателя эта пословица употреблена уже в другом варианте:

[Нарцисс:] – Однако я к облегчению ея всехъ женщинъ презирать буду; пускай лутче они мучатся, а жена спокойна будетъ; *рубашка к телу всево ближе*. – [Псковинь:] А собственная твоя красота и *рубашки ближе*».

Пословица в русском литературном языке с XVIII в. зафиксирована у разных писателей [10, с. 271–272], [19, с. 86] в различных вариантах, что свидетельствует о том, что она уже глубоко укоренилась в народно-разговорной русской речи. Разные варианты фиксируют и паремиологические собрания Петровского времени: *Рубашка ближе кафтана* [16, с. 61]; *Рубашка к телу ближе* [4, с. 136]; *Рубаха к [телу] ближе кафтана* [11, с. 42]; *Рубашка ближе кафтана, душа милее ковши* [5, с. 289], [21, с. 122]; *Хоть рубашка платья ниже, да рубашка к телу ближе* [1, с. 65]. Как видим, некоторые из них воспроизведены и в позднейших источниках. Одной из первых фиксаций при этом является вариант *Рубашка ближе к плечамъ, чѣмъ кафтанъ* [5, с. 88], [21, с. 89].

Обилие вариантов и наличие в составе пословицы «кондово» русского слова *кафтан* ‘старинная длиннополая верхняя мужская одежда’, известного на Руси с XV века и пришедшего к нам с Востока [17, с. 389], могут вызвать предположение, что она – собственно русская, как и наименование рубашки и кафтана. Однако, такому предположению противоречит хронология записи этой пословицы в нашем языке. До Петровского времени она не была зарегистрирована ни в одном письменном источнике. Противоречит констатации о ее исконности и ареальная лакунность, т. е. незначительное и «прерывное» число ее записей в русских народных говорах. Даже самый популярный ее вариант в основном отражен сборниками без ареальных помет, как общерусский: *Своя рубашка ближе к телу (к телу ближе)** (ДП 2, 97; Соб. 1956, 46; Рыбн. 1961, 161; Соб. 1961, 116; Жук. 1966, 403–404; БинГр. 1975, 407; Спир. 1985, 69, 143; Ан. 1988, 281; Пермьков 1988, 157; Сок., 494). И лишь в двух небольших региональных сборниках – Беломорья и Псковщины (*Помор*. Мерк. 1997, 49, 112; *Пск., Ленингр.* Соловьева 2001, 52) они совсем недавно зафиксированы в диалектной речи.

Следовательно, поиски источника пословицы Петровского «извода» следует искать в других языках, откуда она могла калькироваться.

И здесь может возникнуть впечатление если не об исконной «русскости», то об исходной «славянскости» нашей пословицы. Она в различных лексических вариациях известна большинству славянских языков, напр.: бел. *Свая кашуля бліжэй да цела*; укр. *Своя сорочка до тіла ближче (ближче до тіла)*, *Всякому своя сорочка ближче до тіла*; болг. *Своя риза поблизо (по-близо) е до свое месо*; пол. *Bliższa koszula ciału [niż sukmana]*; чеш. *Bližší košile než kabát*; серб. *Svoja je košulja najbliža*; словац. *Bližšia košel'a ako kabát* и др. [3, с.

* В целях экономии места здесь и ниже точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» [9].

130–131]. При этом, что не менее важно, в некоторых из них (например, польском и чешском) она зафиксирована уже в XVI в. [2, с. 151–152], [20, с. 599–600]. Тем не менее, обращение к другим, уже неславянским, языкам, показывает, что пословица о рубашке или кафтане выходит далеко за пределы Славии. На ее «европейскость» уже более столетия назад обратил внимание М. И. Михельсон, предложивший в своем собрании «Русская мысль и речь» значимые межъязыковые параллели: нем. *Das Hemd liegt mir näher als der Rock* (употребленная Бисмарком) англ. *Close sits my shirt, but closer my skin*; фр. *Ma chair m'est plus près que ma chemise; La chemise est plus proche que le pourpoint*; лат. *Tunica pallio propior est* [8, с. 229]. Авторство последней пословицы, буквально переводимой как «Туника ближе (к телу), чем плащ», приписывается римскому комедиографу Плавту (сер. III в. – ок. 184 г. до н. э.), который употребил ее в одной из своих комедий (Опыт 1987, 130–131). И такую точную паспортизацию первоисточника можно оспорить, обратившись к разным языкам, достаточно удалённым от бывшей Римской империи.

В других европейских языках более распространен вариант, соответствующий русскому Рубаха кафтана ближе, напр.: англ. *One's shirt is nearer [to the body] than the coat; Near is my shirt, but nearer is my skin*; нем. *Das Hemd ist mir näher, als der Rock*, фр. *La chemise est plus proche que le pourpoint; La chair (la peau est plus proche que le pourpoint; Plus près est la chair que la chemise*; ит. *Stringe più la camicia che la gonnella (il giubonne)*; исп. *Más cerca (Primero) están mis dientes, que mis (los) parientes* и мн. др. – армянскому, баскскому, датскому, голландскому, венгерскому, вепсскому, эстонскому, литовскому, латышскому, норвежскому, шведскому, идиш и т. д. Показательно, что в турецком она буквально соответствует русской Рубаха кафтана ближе – *Gömlek kaftandar yakindir*. [23, с. 249–251]. Первоначальный смысл всех этих пословиц – ‘Рубашка ближе к телу, чем верхняя одежда’.

Судя по времени первой фиксации русской пословицы, она могла быть заимствована – как и другие паремии Петровского времени – из немецкого или голландского, возможно также, и через польское посредство. И нем. *Das Hemd ist mir näher, als der Rock*, и голл. *Mijn roc is mi nae, mer dat hemde nare* давно известны в разнообразных вариантах [24, с. 499]. Любопытно, что регистрируя эту немецкую и голландскую пословицу в разных языках, составитель этого паремиологического тезауруса Карл Фридрих Вильгельм Вандер замечает: «Als der Kaftan, sagen die Osmanen» – «как кафтан, говорят жители Османской империи» (там же). Тем самым можно предположить, что в судьбе нашей пословицы скрестились две линии обогащения русского языка – Запада и Востока. Но в любом случае их активизация и «прорыв» в литературный русский язык произошел именно в Петровскую эпоху, о чем и свидетельствуют приводимые выше паремиологические собрания.

Став фактом литературного языка, пословица о своей рубашке, стала все активнее употребляться русскими писателями и публицистами. Ее нормативное употребление фиксируют во множестве контекстов словари пословиц [2, с. 291], [18, с. 212]. В прозе она подвергается творческому индивидуально-авторскому преобразованию [6, с. 591–593], а в поэзии становится ярким паремиологическим символом, рождающим новые креативные смыслы [7, с. 431–433]. Вот лишь два примера из нашего словаря. Один – когда эта пословица подвергается оригинальной внутренней синтаксической и морфологической трансформации, второй – когда её внутренняя форма шуточно буквализируется:

Друг – другу моему, и враг – врагу,
И все же он передо мной в долгу.

Он сделать столько глупостей успел,
Рожденный для одних великих дел!

Но главное, – и в том печаль, – что он
Сам по себе и мне не подчинен.

Начну его корить, а он опять
Мои ошибки лезет повторять.

Он носит галстук мой и пиджачок.
Мои рубашки, те, что ближе к телу,
А все же я к нему не очень строг.
Не разойтись нам, вот какое дело.

Е. Долматовский. Лирический герой.

Пока с Пургой имеешь дело
И слезы копятя в очах,
Своя рубашка ближе к телу,
Чем тысячи чужих рубах.
Раздумывая в этом плане,
Я повернул и напрямиком
Себя направил к старой бане,
Где нет рубашек ни на ком.

Д. Костюрин. О рубашках.

Как видим, яркий и прозрачный образ пословицы о рубашке, которая ближе к телу, стал мощным импульсом ее структурных и семантических интенсификаций. Активная вариантность, способствующая обогащению ее исходного дидактического и философского смысла, бытовая и универсальная общечеловеческая мудрость, заложенная в ней, обеспечили и обеспечивают ее популярность и динамику как в литературном языке, так и в народной речи. Стартом к такой динамике, как и к динамическим процессам всей нашей языковой системы, стали преобразования Петровской эпохи.

Литература

1. Руския пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. – В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии наук, 1785. – [части I-III, с отдельной пагинацией].
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. Москва : «Русский язык», 1991. – 534 с.
3. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова; под ред. П. А. Дмитриева. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2000. – 360 с.
4. Курганов, Н. Г. Писмовник. Сбор русских пословиц / Н. Г. Курганов. – 5-е изд. – Санкт-Петербург, 1793. – 800 с.
5. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатую издам. Санкт-Петербург : Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 с.
6. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Москва : «Русские словари», 1997. – 864 с.
7. Мелерович, А. М. Фразеология в русской поэзии XIX-XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. Е. Якимов; под научн. ред. В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – 528 с.
8. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. – Санкт-Петербург – Т. 1, 1903. – 779 с.; Т. 2, 1905. – 580+250 с.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – Москва : «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
10. Палевская, М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века / М. Ф. Палевская. – Кишинев: «Штиница», 1980. — 367 с.
11. Собрание пословиц И. В. Пауса // ППЗ 1961, 40–46; 253–257.
12. Сборник пословиц б. Петровской галереи // ППЗ 1961. – С. 23–39.
13. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. – М.-Л.: изд-во «Наука», 1961. – 289 с.
14. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготвил к печати Павел Симони. – Санкт-Петербург, 1899. I–XIX + 216 с.
15. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-23. – Л.(СПб): Наука, 1984–2019. (издание продолжается).
16. Сборник пословиц В. Н. Татищева // ППЗ 1961, 47-64; 257-259.
17. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. тт. 1 (А-Пантомима. – 622 с.); II (Панцирь-Яшур. – 560 с.). – Москва : «Русский язык», 1993.
18. Школьный словарь живых русских пословиц / Сост.: Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов, Т. В. Кормилицына, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстова, Н. Я. Якименко; гл. ред. В. М. Мокиенко, редакторы: Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова. – СПб.: «Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с.

19. Eckert, Rainer; Günther, Kurt. Die Phraseologie der russischen Sprache. Leipzig; Berlin; München [u.a.]: Langenscheidt-Verlag Enzyklopädie, 1992. – 176 S.

20. Flajšhans, Václav. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přívídek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Prísloví staročeská. Díl I (A-N), díl II (O-Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1911-1913; 2-é, rozšířené vydání. Předmluva V. Mokienko, komentáře V. Mokienko, L. Stěpanova. – Editors Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. – Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

21. Geyr Heinz. Sprichwörter und sprichwortnahe Bildungen im dreisprachigen Petersburger Lexikon von 1731 [siebzehnhunderteinunddreissig] / Heinz Geyr (=Symbolae slavicae. Bd. 13). – Frankfurt am Main-Bern: Peter Lang Verlag, 1981. – 234 S.

22. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1-4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969-1978.

23. Paczolay Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Veszprem: Nyomda Rt., 1997. – 527 p.

24. Wander Karl Friedrich Wilhelm. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. – Leipzig, 1867-1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987 p.

УДК 811.161.1:81'366.54:378.147

Селиверстова Е. И.

Санкт-Петербургский государственный университет

ВЕСЕЛО – О СИСТЕМЕ РУССКИХ ПАДЕЖЕЙ!

Выбирая форму обучения русским падежам, австрийские авторы исходят из следующего: изучение падежной системы и падежных окончаний может показаться скучным, но оно неизбежно; облегчить обучение можно, сделав его занимательным; для полноценной коммуникации в первом семестре обучения достаточно форм единственного числа; грамматика постигается через анализируемый интересный текст – вот основные принципы, положенные в основу учебника русского языка, о котором пойдет речь в докладе.

Ключевые слова: система падежей, русский, немецкий, авторский подход, текст, юмор.

E. I. Seliverstova

St.-Petersburg State University

It's fun to study the system of russian cases!

Choosing the form of teaching Russian cases, the Austrian authors proceed from the following: the study of the case system and case endings may seem boring, but it is inevitable; you can make learning easier by making it fun; for

full-fledged communication in the first semester of study, the singular forms are sufficient; grammar is comprehended through an interesting text being analyzed - these are the basic principles underlying the textbook of the Russian language, which will be discussed in the report.

Keywords: case system, Russian, German, author's approach, text, humor.

Изложив, в сущности, то позитивное, что видят в своем учебнике «*Auf alle Fälle Singular*» Михаэла Ляуниг и Наталия Фишер – и именно в таком ключе освещается учебник на австрийских сайтах, – остановимся подробнее на том, как им удается весело осваивать со студентами столь непростую материю. Книга «Единственное число. Система русских падежей в упражнениях» – пособие, используемое при освоении с австрийскими русистами трудной и многоаспектной материи – системы русских падежей. Но если характеристика этого объекта обучения в курсе русского языка как трудного ни для кого не нова (см., в частности, [1]–[3] и др.), то реализованные в этом учебнике принципы подачи материала и система заданий, направленных на его усвоение, заслуживают особого внимания – даже при вполне стандартном порядке следования падежей от именительного к предложному.

Во-первых, весьма важно ограничение внимания авторов формами только единственного числа (на что указывает и название учебника), но с охватом имени существительного, прилагательного и некоторых разрядов местоимений, что делает возможным практически сразу выход в коммуникацию – в частности, использование этикетных фраз (*Спокойной ночи! Счастливого пути! Всего доброго! Приятного аппетита!*), употребление посессивных конструкций (*у известного автора, у хорошего врача, у старой женщины*) или же конструкций, используемых для указания на местоположение (*у Национальной галереи, у входной двери, у нашего окна*), форм указания адресата (*моему верному другу, его терпеливой жене*) и т. д.

Во-вторых, учебник, хотя и нацелен на изучение грамматического материала, весьма полезен в аспекте стимулиро-